

УДК 334.72:332.3 (571.63)

Гайкин В.А.

Экспансия Японии в Маньчжурии и корейская диаспора (1905–1945 гг.)

Введение

Маньчжурия (Северо-Восточный Китай) всегда находилась на перекрёстке движения и интересов нескольких народов и государств: Китая, маньчжурских этносов, Кореи (в Корее этот регион считается сакральной родиной предков современных корейцев) [8, с. 234]. В XX в. здесь столкнулись волны российской экспансии и японской агрессии. Этот регион стал местом совместного проживания китайцев, маньчжур, корейцев, японцев и русских, чья общая история переплетается в сложных отношениях как у жителей большой коммунальной квартиры, создающих коалиции, плетущих интриги, но вынужденных уживаться в этом общем доме. После победы СССР в советско-японской войне 1945 г. Маньчжурия стала территориальной, военно-экономической базой для народно-освободительной армии Китая в войне против Гоминдана, которая закончилась созданием КНР. Северо-Восточный Китай играл важную роль в истории и политике Восточной Азии в XX в., в настоящее время этот регион является частью Китайской народной республики.

Новая интерпретация социальных отношений в Маньчжурии приводит к переосмыслению истоков северокорейской революции и, в конечном счёте, истоков нынешнего национализма северокорейского государства. Руководители КНДР считают северо-корейское государство результатом корейской герильи против Японии в Маньчжурии, и, в первую очередь, партизанской борьбы Ким Ир Сена. Многочисленная корейская диаспора в Маньчжурии стала базой антияпонской борьбы как корейских националистов, так и коммунистов. Последние создавали свои организации в этом регионе Китая в 1917–1931 г. под влиянием российской революции 1917 г. и при спонсорской поддержке и контроле со стороны Коминтерна. После оккупации Японией Маньчжурии в 1931 г. произошло частичное замещение "руководящей и направляющей силы". Корейские коммунисты влились в Коммунистическую партию Китая, образовав единый коммунистический фронт борьбы против японской агрессии. Сильные позиции корейских коммунистов в Маньчжурии, созданные до 1931 г. при активном участии СССР, были успешно использованы КПК для установления здесь влияния компартии Китая. Япония применяла для борьбы против коммунистических и националистических инсургентов в Маньчжурии не только "кнут" но и "пряник" – политику так называемой "защиты и покровительства" корейской диаспоры. Комплекс военных, экономических, идеологических (демагогическое объявление корейцев в Маньчжурии "братьями" японцев) мер привёл к разгрому некогда мощной антияпонской герильи, выдавливанию в 1941 г. остатков партизанских отрядов на территорию СССР. С этого момента дальнейшее развитие военно-политического процесса создания корейского коммунистического государства вновь перешло под контроль руководства СССР.

Основная часть

Можно выделить три этапа социально-экономического и политического процесса формирования корейского населения Маньчжурии до 1945 г., истории его борьбы за социальное и национальное освобождение.

© Гайкин В.А., 2019

ГАЙКИН Виктор Алексеевич, канд. нист. наук, старший научный сотрудник отдела Японии и Кореи Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: unara49@mail.ru

Первый этап – от появления в начале XVII в. первых корейских поселений в приграничных с Кореей районах Маньчжурии до установления в 1905 г. японского протектората над Кореей; второй этап – с 1905 г. до вторжения японской армии в Маньчжурию в 1931; третий этап – 1931–1945 гг. – от оккупации Маньчжурии японскими войсками, создания марионеточного государства Маньчжоу-го до разгрома Квантунской армии и освобождения Кореи Советской армией.

На первом этапе переселение корейцев в Маньчжурию до середины XIX в. встречало активное сопротивление цинской администрации. С 80-х гг. XIX в. маньчжурские власти, уже не способные остановить иммиграцию, вынуждены были признать существование корейских поселений де-юре и практически не препятствовали дальнейшему увеличению численности корейцев в Восточной Маньчжурии.

В то же время Цинские власти ещё до Синьхайской революции начали оказывать давление на корейцев Цзяньдао (основной регион проживания корейских иммигрантов в Маньчжурии), чтобы натурализовать их как китайских граждан. Натурализация принимала форму изменения этнокультурного облика – принуждения ношения маньчжурской одежды и причёски: чёрная одежда с широкими, длинными рукавами, бритая передняя часть головы и ношение косы. Этот маньчжурский обычай контрастировал с корейской практикой ношения белой одежды и причёсок в соответствии с семейным положением: коротких волос спереди и длинной косы в задней части головы для неженатых мужчин и волос, связанных в верхней части головы, для женатых мужчин. Многие корейцы считали, что душа народа "не примет такой натурализации", так как конфуцианская обычай определяет причёску как завещание предков [6, с. 15].

Во втором этапе (1905–1931 гг.) можно выделить период 1905–1910 гг., т.е. от окончания русско-японской войны до аннексии Кореи Японией. В 1907 г. японские экспансионисты открыли в Цзяньдао (регион проживания корейцев в Маньчжурии) отделение генерального резидентства в Корее и объявили Цзяньдао корейской территорией. Территориальный спор между Китаем и Японией продолжался до 1909 г, когда был заключён договор, оставивший Цзяньдао за Китаем [9, с. 254]. Следующий период: 1910–1920 гг. Аннексия Кореи Японией в 1910 г. увеличила поток эмигрантов в Маньчжурию. Граница Китая с Кореей стала границей с империалистической Японией. Наличие в Маньчжурии корейцев, не перешедших в китайское подданство, Япония использовала как предлог для вмешательства во внутренние дела Китая. Китайские власти изменили политику в отношении корейских переселенцев, предпринимая попытки помешать дальнейшей иммиграции.

Третий период: 1920–1930 гг. Победа Октябрьской революции вызвала подъём борьбы народов колоний и полуколоний за социальное и национальное освобождение. В районах Маньчжурии, населённых корейцами, развернулась деятельность корейских националистических организаций, нацеленных на вооружённую борьбу против колониального режима в Корее. В начале 1920-х гг. в Восточной Маньчжурии насчитывалось около 30 военно-политических организаций националистов, от левых, мелкобуржуазных, до правых, связанных с лидерами корейской диаспоры в Шанхае. Были и монархические группы, выступавшие за реставрацию в Корее императорской власти. В условиях Маньчжурии, бывшей в 1920-х гг. оплотом реакционных сил, легальная форма существования националистических формирований со штаб-квартирами, офицерскими училищами и школами в значительной мере объективно вела к развитию правых тенденций в их идеологической платформе.

В начале 1920-х гг. в Маньчжурии появились первые коммунистические группы. Их попытки внедрения в крестьянские массы относятся ко второй половине 20-х гг., когда наблюдалось особенное ухудшение положения корейских крестьян. В 1925 г. была организационно оформлена Коммунистическая партия Кореи и её филиал в Маньчжурии. В корейских деревнях начали создаваться низовые партийные организации, крестьянские союзы, молодёжные организации под руководством коммунистов.

Корейские коммунисты не отделяли задач национального освобождения от разрешения социальных проблем. Провозгласив программу аграрной революции, они завоёвывали корейские крестьянские массы. В конце 1920-х гг.

наблюдалось ослабление влияния националистов и рост авторитета корейских коммунистов. Отношения между двумя сторонами не приняли характер тактического союза в борьбе против японского империализма и характеризовались возрастающей враждебностью.

Со времени установления в Корее колониального режима и вплоть до оккупации Маньчжурии в 1931 г. японский империализм проводил в отношении маньчжурских корейцев комплекс политически экономических и идеологических мероприятий, именованный в демагогических целях "защитой и покровительством". Политика "защиты и покровительства" была составной частью агрессивной политики Японии, направленной на установление своего господства в Северо-Восточном Китае.

Под предлогом защиты корейцев Япония добилась в Маньчжурии определённых преимуществ, проводила политику территориальной экспансии. Так, в Цзяньдао, являвшимся китайской территорией, японские чиновники и торговцы вели себя как дома.

В борьбе с антияпонским национально-освободительным движением политика "защиты и покровительства" потерпела провал. В 1930–1931 гг. в Цзяньдао вспыхивали мощные восстания корейских крестьян, направленные как против китайских помещиков, так и против японских колонизаторов. Как отметил Сольц в статье "Революционное движение в Корее и оккупация Маньчжурии": "Самое значительное то, что это движение корейцев в Цзяньдао, арендаторов в своём подавляющем большинстве, проходило в единстве с арендаторами-китайцами. Арендаторы – китайцы и корейцы – с успехом преодолевают ту национальную рознь", которую сеют между ними японские империалисты и китайские помещики [4, с. 89]. Следует сказать, что теоретик коммунистического движения Сольц выдавал желаемое за действительное. И японские колонизаторы, и китайские правители Маньчжурии преуспели в насаждении национальной розни между китайским и корейским населением региона.

Третий этап: 1931–1945 гг. В начале 1930-х гг., в результате последствий мирового экономического кризиса резко ухудшилось экономическое положение корейских крестьян. Агрессия Японии усугубила трудности корейского населения. Шло резко выраженное обнищание и разорение корейских крестьян. Массовые крестьянские волнения прокатились по Восточной Маньчжурии в 1932–1934 гг. Корейские коммунисты вносили в крестьянское движение элемент организованности, призывали к аграрной революции, выдвигали антияпонские лозунги. В начале 1930-х гг. в Цзяньдао было создано несколько советских районов, на территории которых земля, принадлежавшая помещикам, конфисковалась и распределялась между арендаторами.

Приоритетное значение имеет вклад корейских коммунистов в становление китайско-корейского коммунистического сопротивления агрессорам. Один из руководителей партизанского движения в Северо-Восточном Китае Чжоу Баочжун писал: "Есть две вещи, которые глубоко запали в мою душу. Первая – это боевые дела мужественных корейских патриотов, которые сыграли важную роль в партизанском движении против японских захватчиков ..." [11, с. 93].

Если китайским коммунистам удалось создать единый фронт с китайскими националистами в Маньчжурии, то корейские коммунисты и националисты в целом боролись в Восточной Маньчжурии порознь (исключая отдельные случаи взаимодействия). Корейские коммунисты присоединились к КПК. Корейские националисты не смогли до конца преодолеть барьер "социальной несовместимости", традиционной межнациональной розни, возводившийся десятилетиями, и, не имея широкой опоры в массах и сильных союзников, постепенно сходили с военно-политической сцены. Борьба партизанских отрядов корейских коммунистов продолжалась дольше, но и она в сложных условиях Маньчжурии конца 30-х гг., не благоприятствующих партизанам, постепенно шла на убыль и почти прекратилась в 1941 г.

В условиях конфронтации с японской военной машиной и репрессивным аппаратом Маньчжоу-го важное значение имела социальная база политической организации, её связи (выходы) на различные слои и профессиональные группы Маньчжоу-го. Для Корейской революционной армии была характерна относительная ограниченность социальной опоры, национальная

замкнутость, отрезанность от китайского социума, в силу многих причин воспринимавшего корейскую диаспору не как органическую часть китайского общества. Из 87 человек, арестованных японской полицией с октября 1935 г. по март 1936 г. в Мукденской провинции за связь с Корейской революционной армией (поставки продовольствия, боеприпасов), были 51 крестьянин, 11 лесоторговцев, врач, учитель, лавочник, 6 деревенских старост [8, с. 111–113]. Почти все подходили под определение "корейская мелкая буржуазия". Основной контингент, симпатизирующий её деятельности, – среднее крестьянство. Никто из них не имел доступа к оружию и боеприпасам, столь необходимых партизанам. Эти обстоятельства вкупе с другими, о которых говорилось выше, практически не оставляли Корейской революционной армии шансов "выжить" в качестве самостоятельной военно-политической организации.

В группе арестованных за связь с КПК были, в том числе, два начальника полицейских участков и один простой полицейский. Офицеры полиции продавали оружие и боеприпасы представителям НРА. Японский аналитик отметил, "красные партизаны в отличие от других инсургентов связаны со всеми слоями населения Маньчжурии" [8, с. 111–116].

Изощённой идеологической пропагандой, политическими и экономическими мероприятиями японским оккупантам удалось установить жёсткий контроль над корейским населением Маньчжурии, которое к началу 1940-х гг. оказалось практически изолированным от партизан. Определённая часть корейцев, поддавшись японской демагогии, объявившей их "братьями" японцев, стала сотрудничать с оккупантами. Основная масса народа была запугана репрессиями и, хотя не питала симпатий к оккупантам, активного сопротивления им не оказывала.

Во второй половине 30-х гг. японские экспансионисты приступили к реализации программы переселения в Маньчжурию десятков тысяч корейских крестьян. В системе японо-корейской колонизации Маньчжурии японские поселения имели военно-стратегическое значение. Они создавались у границ с СССР и должны были стать оплотом японского военно-политического влияния в Маньчжурии. Японские переселенцы имели оружие, большую часть времени занимались военной подготовкой. Корейские переселенцы не пользовались доверием колонизаторов. Они занимались экономическим обеспечением японской экспансии. Корейцев селили главным образом на территориях, годных для выращивания риса, подвергали жестокой эксплуатации.

К 1945 г. в Маньчжурии проживало около 1,5 млн. корейцев, 24 тыс. дворов (около 100 тыс. человек), переселённых в период 1936–1944 гг., находились под прямым контролем японских переселенческих организаций, по низким ценам скупавшим практически весь товарный рис, выращиваемый в этих хозяйствах [5]. Косвенно, японский капитал контролировал большую часть земли, обрабатываемую корейскими крестьянами в Маньчжурии. Японской военщине удалось в целом подавить антияпонское движение в Маньчжурии. Северо-Восточному Китаю отводилась роль плацдарма как для нападения на Китай, так и для агрессии против СССР, а значит и тыла, в котором не должно было быть очагов сопротивления. Несмотря на поражение, эта борьба внесла большой вклад в движение китайского и корейского народов к национальному и социальному освобождению.

В течение длительного времени японские милитаристы вынуждены отвлекать крупные контингенты войск и материальные ресурсы для борьбы с партизанами, что сдерживало расширение агрессии в Китае. В этой борьбе выковывались кадры будущей народно-революционной армии Северо-Восточного Китая – костяка НОАК. Вооружённое сопротивление, которое оказывали японским интервентам в Маньчжурии корейские партизаны, вдохновляло патриотов в Корее, вселяло в них веру в возможность борьбы с японским империализмом, давало импульс к борьбе крестьян в деревнях и рабочих в городах против колониальной эксплуатации. Как отмечал В. И. Ленин, "только борьба воспитывает эксплуатируемый класс ... открывает ему меру его сил ... поднимает его способности ... выковывает его волю" [2, с. 364]. Продолжая эту мысль, можно сказать, что только в процессе борьбы народа за независимость создаются политико-психологические предпосылки построения независимого государства. Опыт создания в Восточной Маньчжурии первых корейских Советов и "Общества возрождения отечества" был использован при

строительстве народно-демократического государства в Северной Корее. 170 корейцев-бойцов Северо-Восточной объединённой антияпонской армии после капитуляции Японии были направлены на самые ответственные участки создания новой Кореи [11, с. 25]. Многие из них впоследствии заняли ключевые посты в правительстве и армии КНДР.

Заключение

Корейские переселенцы не растворились в аборигенном населении. Они сформировали диаспору, оказавшую существенное влияние на экономическую и политическую жизнь страны. Ан Су гиль один из самых известных писателей Южной Кореи, переехавший туда из Маньчжурии после разгрома Японии, до 1945 г. работал в *Manson ilbo*, корейской газете в Маньчжурии, подконтрольной японским властям. Два его самых известных произведения – *Pukhyangbo* (Генеалогия северной родины) и стоящее к нему в смысловой оппозиции *Pukkando* (Повесть о Цзяньдао) [6]. Опубликованный с 1944 по 1945 гг. в ряде номеров газеты *Manson ilbo* роман *Pukhyangbo* рисует корейских иммигрантов как колониальных субъектов официального проекта Японии по созданию в Маньчжурии корейских поселений, для усиления здесь влияния и позиций Японии. *Pukhyangbo* (Генеалогия северной родины) характеризует автора в определённой степени как коллаборациониста.

Pukkando может быть расценено как произведение, искупающее грех его сотрудничества с оккупантами. Написанные между 1959 г. и 1967 г. в Южной Корее два тома *Pukkando* составляют эпопею корейской диаспоры в Маньчжурии с 1860-х гг. XIX в. по 1945 г., зажатой между китайским национализмом и японским империализмом. В первый том вошли события начального этапа корейской иммиграции (с 1867 г. до 1910 г.), взгляд на двойную идентичность корейцев, которые рассматривали себя в качестве колонизаторов в Маньчжурии, не желавших принимать китайское подданство, и которые одновременно были колонируемыми для Японии в период 1906–1910 гг. Второй том охватывает период с начала 1910-х годов до 1945 г., это повествование, изображающее корейцев жертвами японского империализма и героями антияпонской борьбы (при игнорировании коммунистической герильи).

Сегодня в КНР существует корейский национальный округ Яньбянь (бывший Цзяньдао). "Восток – дело тонкое", в 1964 г. Чу Тыхкэ, губернатор корейского национального округа заявил: "Необходима общая борьба Кореи, Японии, Вьетнама. Для этого нужно изучать способы укрепления связей этих стран. Они имеют общие культурные традиции... Необходимо установить боевую дружбу с Японией" [1, с. 48]. В июне 1998 г. в интервью японской газете "Асахи" известный китайский писатель корейского происхождения Ким Чэжук сказал: "Для преодоления экономических трудностей Япония, Китай и Корея должны объединить свои усилия, и это сотрудничество определит будущее Северо-Восточной Азии"[7]. Наследники антияпонских партизан "забывают" кровавые будни герильи. В памяти потомков видимо остаётся "патернализм" Японии, снизошедшей до покровительства "младших корейских братьев" в Маньчжурии. Возможно, реалии корейской псевдоавтономии в КНР подталкивают представителей корейской диаспоры в Китае к попытке реанимации концепции японской "Сферы сопроцветания", но уже на принципах равноправия участников (Китай, Япония, Корея).

Литература

1. Гайкин В.А. Туманган // Россия и АТР. 1994. № 2. С. 40–52.
2. Ленин В.И. Доклад о революции 1905 г. // Собр. соч. Т. 30. М. 1970. 396 с.
3. Маньчжурия. Экономическое, географическое описание. ч. 1. Харбин. 1934. 275 с.
4. Сольц. Революционное движение в Корее и оккупация Маньчжурии // Оккупация Маньчжурии и борьба империалистов. М., 1932. С. 32–46.
5. Manchuria Daily News. 19.05.1944.
6. An Sugil. Pukkando. Seoul: Samjungdan, 1993. 358 с. (кор. яз.).
7. Асахи. 04.06.1998. (яп. яз.).
8. Паньши дзимин какумэйгун (Народно революционная армия Паньши). Б.м. 1936. 270 с. (яп. яз.).
9. Тёсэн тодзи сирё (Материалы по истории управления Кореей) в 10 томах. Т. 1. Токио, 1970. 508 с. (яп. яз.).
10. Тёсэн тодзи сирё (Материалы по истории управления Кореей) в 10 томах. Т. 8. Токио, 1971. 569 с. (яп. яз.).
11. Чжоу Баочжун. Дунбэйды канжи юцзи чжаньчжэн хэ канжи лянъцзюнь. Чугао (Антияпонская партизанская война и объединенная антияпонская армия Северо-Восточного Китая. Краткий очерк) // Данши цзыляо. 1954. № 9. С. 20–49. (кит. яз.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Gajkin V.A. Tumangan // Rossiya i ATR. 1994. № 2. S. 40–52.
2. Lenin V.I. Doklad o revolyutsii 1905 g. // Sobr. soch. T. 30. M. 1970. 396 s.
3. Man'chzhuriya. ENkonomicheskoe, geograficheskoe opisanie. ch. 1. KHarbin. 1934. 275 s.
4. Sol'ts. Revolyutsionnoe dvizhenie v Koree i okkupatsiya Man'chzhurii // Okkupatsiya Man'chzhurii i bor'ba imperialistov. M., 1932. S. 32–46.
5. Manchuria Daily News. 19.05.1944.
6. An Sugil. Pukkando. Seoul: Samjungdan, 1993. 358 s. (kor. yaz.).
7. Asakhi. 04.06.1998. (yap. yaz.).
8. Pan'shi dzimin kakumehjgun (Narodno revolyutsionnaya armiya Pan'shi). B.m. 1936. 270 s. (yap. yaz.)
9. Tyosehn todzi siryo (Materialy po istorii upravleniya Koreej) v 10 tomakh. T. 1. Tokio, 1970. 508 s. (yap. yaz.).
10. Tyosehn todzi siryo (Materialy po istorii upravleniya Koreej) v 10 tomakh. T. 8. Tokio, 1971. 569 s. (yap. yaz.).
11. CHzhou Baochzhun. Dunbehjdy kanzhi yutszi chzhan'chzhohn kheh kanzhi lyan'tszyun'. CHugao (Antiyaponskaya partizanskaya vojna i ob'edinennaya antiyaponskaya armiya Severo-Vostochnogo Kitaya. Kratkij ocherk) // Danshi tszylyao. 1954. № 9. S. 20–49. (kit.yaz.).

Гайкин В.А. Экспансия Японии в Маньчжурии и корейская диаспора (1905–1945 гг.)

Корейская диаспора в Маньчжурии стала базой антияпонской борьбы корейских националистов и коммунистов. Последние создавали свои организации в этом регионе Китая в 1917–1931 гг. под влиянием российской революции 1917 г. и при спонсорской поддержке со стороны Коминтерна. После оккупации Японией Маньчжурии в 1931 г. корейские коммунисты влились в Коммунистическую партию Китая, образовав единый фронт борьбы против японской агрессии. Япония реализовала комплекс военных, экономических, идеологических мер, который привёл к разгрому антияпонской герильи, выдавливанию в 1941 г. остатков партизанских отрядов на территорию СССР.

Ключевые слова: *корейские переселенцы, Маньчжурия, японская агрессия, политика Китая, антияпонское сопротивление*

Gaikin V.A. Expansion of Japan in Manchuria and the Korean diaspora (1905–1945)

The Korean diaspora in Manchuria became the base of the anti-Japanese struggle of Korean nationalists and Communists. Last created their own organization in that region of China in 1917–1931 under the influence of the Russian revolution of 1917, and with sponsorship from the Comintern. After the Japanese occupation of Manchuria in 1931, Korean communists joined the Communist Party of China, forming a United Front to fight against Japanese aggression. Japan has implemented a range of military, economic, ideological measures that led to the defeat of anti-Japanese guerrilla, extrusion in 1941 remnants of guerrilla groups on the territory of the USSR.

Key words: *Korean immigrants, Manchuria, Japanese aggression, China's Policy, anti-Japanese resistance*

Для цитирования: Гайкин В.А. Экспансия Японии в Маньчжурии и корейская диаспора (1905–1945 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 67–73. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/67-73

For citation: Gaikin V.A. Expansion of Japan in Manchuria and the Korean diaspora (1905–1945) // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 1. P. 67–73. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/67-73

